

Поскольку Цяо Ту настаивал на том, чтобы вернуться через два часа, далеко они не пошли и отправились в ресторан в старинном стиле.

Заведение было оформлено в духе древности. Переступив порог, Цяо Ту чуть было не решил, что вернулся в свой прежний мир. Весь вечер он чувствовал себя не в своей тарелке, держался рядом с Хэ Чжэном и даже к еде почти не притронулся.

— Что такое? Не нравится?

Ресторан был раскручен умелыми маркетологами, и благодаря рекомендациям популярных блогеров стал местом, куда молодежь рвалась сделать фото для соцсетей. Хэ Чжэн полагал, что Цяо Ту тоже придется по душе такая атмосфера, поэтому, узнав, что они неподалеку, попросил помощника Суна заранее забронировать столик.

Цяо Ту поспешно покачал головой, отгоняя прочь странные мысли, и принялся старательно есть. Набив желудок, он наконец немного пришел в себя и начал пересказывать Хэ Чжэну всё, что произошло за последние дни, хотя всякий раз, когда речь заходила о Ши Цзе, он намеренно пропускал детали.

Хэ Чжэн слушал молча, лишь изредка вставляя короткие реплики. Несмотря на то что рассказ был сбивчивым и бессвязным, он внимал каждому слову. Всё, что происходило на съемочной площадке, Сяо Жун исправно докладывал Янь Хуаню, а та, в свою очередь, передавала всё ему. Так что, как бы ни пытался этот малыш скрыть правду, Хэ Чжэн уже был в курсе выходок Ши Цзе.

— Сегодня вечером всё-таки вернешься?

Хэ Чжэну было жаль отпускать его обратно, где он снова станет мишенью для Ши Цзе, но он всё же решил попытаться уговорить его остаться.

— Вернусь, — Цяо Ту послушно кивнул, лениво помешивая ложкой суп в тарелке. — Только на одну ночь! Господин, ты что, боишься спать один?

Он поднял глаза и с задорным блеском посмотрел на Хэ Чжэна. С той самой ночи, когда Хэ Чжэн обнаружил его в слезах после кошмара, они спали в одной комнате. Хэ Чжэн думал, что Цяо Ту будет неудобно, но не ожидал, что в итоге именно ему самому станет трудно отвыкнуть от этого соседства.

Чтобы доказать, что он вполне способен спать в одиночестве, Хэ Чжэну пришлось смириться и отвезти парня обратно.

Когда они вернулись на съемочную площадку, Ши Цзе, на удивление, был на месте. Он сидел на кровати в наушниках и довольно покачивался в такт музыке. Цяо Ту не хотел иметь с ним

ничего общего, поэтому сразу достал сменную одежду и направился в душ.

— Вернулся со свидания со своим спонсором? — Ши Цзе по-прежнему вел себя вызывающе, даже не глядя на Цяо Ту.

— Я не понимаю, о чем ты.

Цяо Ту действительно не знал, что значит спонсор, но по тону Ши Цзе уловил явную неприязнь.

— Хм, — тот насмешливо фыркнул. — Все знают, чем ты там зарабатываешь, обслуживая других.

Эту фразу Цяо Ту понял прекрасно! Его старшие братья по труппе часто отпускали подобные шуточки, но он всегда держался от них подальше, не желая опускаться до их уровня. Как Ши Цзе смеет так оскорблять Хэ Чжэна? Хэ Чжэн совсем не такой человек!

Он сердито уставился на Ши Цзе, и в его мягком голосе впервые прорезались гневные нотки:

— Ты очень плохой человек!

Ши Цзе проигнорировал его, снова надел наушники и запел рок, продолжая раскачиваться. Цяо Ту, которого Старый Баньчжу с детства оберегал от всякой скверны, долго пытался подобрать ругательство, но так и не придумал ничего подходящего. Ему оставалось лишь сердито принять душ и лечь спать, решив игнорировать обидчика.

Когда Цяо Ту вышел из ванной, Ши Цзе уже куда-то исчез, чему парень был только рад. В этот момент в дверь ритмично постучали. Цяо Ту вспомнил наставление Хэ Чжэна: на двери есть глазок, и если кто-то стучит, нужно сначала посмотреть, кто пришел. Если есть хоть малейшая опасность — не открывать и сразу звонить ему.

Он прильнул к двери и заглянул в глазок. На пороге стоял его наставник, Юн Цзылун. Цяо Ту открыл дверь и почтительно поклонился:

— Здравствуйте, учитель.

Юн Цзылуну было под шестьдесят, волосы слегка поседели, но лицо он сохранил хорошо, поэтому выглядел моложе своих лет.

— Сяо Ту, — он не был так невозмутим, как во время съемок, скорее выглядел немного растерянным. — Ты правда не можешь сказать мне, кто твой учитель?

Юн Цзылун слыл фанатичным ценителем оперы, посвятив большую часть жизни изучению

различных школ пения. Он искал школу Чэн по всем закоулкам, но нигде не мог найти каноническое исполнение. Даже стиль семьи Ши был лишь поздней модификацией, лишенной первозданной глубины. А вот Цяо Ту пел в стиле Чэн так, что заслушаешься — это было на голову выше того, что показывал Ши Цзе! Неужели где-то в народе еще остались хранители школы Чэн, владеющие полным набором техник? Если бы он мог хоть раз обменяться опытом с настоящим преемником школы Чэн, он бы прожил жизнь не зря.

— Это... — Цяо Ту замялся, теребя пальцы и опуская голову, не смея встретиться с ним взглядом.

— Эх, не буду тебя мучить. Мне достаточно знать, что у школы Чэн есть продолжатель.

Хотя любопытство снедало его, Юн Цзылун не хотел давить на парня. Судя по его виду, наставник строго наказал ему молчать, и он не мог заставить Цяо Ту предать учителя ради своего интереса. В их среде это считалось негласным правилом. Если бы Цяо Ту выдал секрет, при его статусе Юн Цзылун легко мог бы продвинуть его в кругах, но парень не поддался соблазну, сохранив верность принципам. Это доказывало, что у ребенка чистая душа.

Подумав об этом, Юн Цзылун похлопал Цяо Ту по плечу и сказал с чувством:

— Пой хорошо. Покажи мне, на что ты действительно способен.

Сказав это, он понуро ушел. Цяо Ту остался стоять в дверях, хлопая глазами. Почесав затылок, он задумался о школе Чэн, которую упоминали уже не в первый раз. Старого Баньчжу ведь тоже звали Чэн, не так ли? Может, то, чему его учил Старый Баньчжу, и есть та самая школа Чэн?

Цяо Ту, который уже научился пользоваться интернетом, с жадой знаний зашел в сеть и вбил в поисковик запрос про школу Чэн. Первой в выдаче оказалась подробная энциклопедия. За последнее время он выучил достаточно иероглифов, и хотя читал на упрощенном китайском медленно, общий смысл понимал.

— Основателем школы Чэн был народный артист Чэн Юнь, живший более шестисот лет назад, по прозвищу Цзыгуй... Чэн Цзыгуй?!

Цяо Ту в испуге вздрогнул, и телефон выскользнул из рук. Чэн Цзыгуй — это же Старый Баньчжу! Неужели это просто совпадение имен? Чтобы проверить это, Цяо Ту принялся читать статью из нескольких тысяч иероглифов слово за словом.

Там действительно было написано, что Чэн Цзыгуй создал оперную труппу, обучил бесчисленное количество учеников и поддерживал их, когда те открывали свои школы. Большинство его учеников были прилежными и целеустремленными, они не опозорили учителя и, став мастерами, прославились на всю округу. К сожалению, у Чэн Цзыгуя не было детей, и после его смерти школа Чэн была предана забвению, сохранившись до наших дней лишь в виде разрозненных фрагментов.

Дочитав, Цяо Ту шмыгнул носом, и глаза его покраснели. Этот Чэн Цыгуй определенно был его Старым Баньчжу! Если бы не козни старших учеников, он наверняка смог бы прославить школу Чэн на весь мир, не оставив Старому Баньчжу поводов для печали.

Нет! Раз уж он оказался здесь, спустя шестьсот лет, возможно, это новый шанс. Он будет петь школу Чэн для людей здесь, чтобы труды Старого Баньчжу не пропали даром!

Сяо Жун узнал, что он вернулся, и поспешил к нему, чтобы обсудить расписание на завтра, но увидел, что у Цяо Ту красные глаза — видно, что он плакал. Он огляделся по сторонам, но Ши Цзе не увидел.

— Ши Цзе опять тебя обидел?

Цяо Ту печально покачал головой:

— Прочитал это и расплакался.

Сяо Жун думал, что там что-то невероятно трогательное, но, взглянув на экран с энциклопедией, едва не выронил глаза. Плакать над статьей в интернете? Что за ранимая душа? Он, должно быть, первый такой человек в истории!

<http://bllate.org/book/21812/2257964>